

Стихи о любви

Борис Пастернак

Свеча горела на столе

Борис Леонидович Пастернак

Свеча горела на столе

Серия «Стихи о любви (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26919112

Свеча горела на столе / Борис Пастернак.: АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-106579-9

Аннотация

Судьба Бориса Пастернака являет собой невероятный пример безупречной и счастливой жизни в эпоху исторических катаклизмов. «...И ни единой долькой не отступаться от лица...» – эти строчки могли бы стать эпиграфом не только к его творчеству.

Он не шел на открытую конфронтацию с властью, он не воевал с возлюбленными, и при этом всегда оставался самим собой – Поэт, «небожитель», «счастливчик», влюбленный в жизнь, природу, искусство, женщин...

Содержание

«И не кончается объятье...»

7

Конец ознакомительного фрагмента.

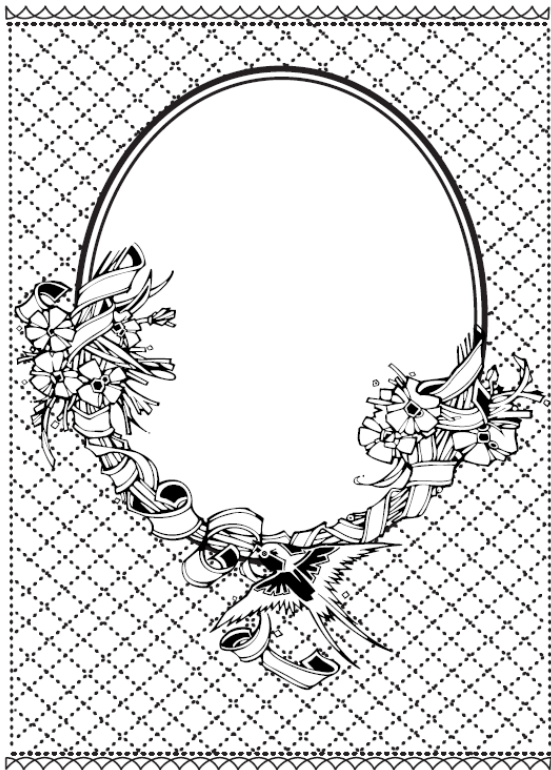
18

Борис Пастернак

Свеча горела на столе

Серия «Стихи о любви»

Издательство выражает искреннюю благодарность Евгению Борисовичу Пастернаку за помощь в подготовке сборника

В оформлении обложки использована репродукция карти-

ны Густава Климта «Любовь»

© Борис Пастернак, наследники, 2017

© Оксана Сабурова, сост., вступит. ст., 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2018

«И не кончается объятье...»

10 февраля 1890 года в семье художника Леонида Осиповича Пастернака и пианистки Розалии Исидоровны (урожденной Кауфман) родился первенец. Сына назвали Борисом.

Детство будущего поэта прошло в атмосфере искусства. Семья жила в помещении училища Живописи, ваяния и зодчества, где Леонид Осипович преподавал. В доме у Пастернаков часто устраивались домашние концерты, велись разговоры о живописи, музыке и литературе. В гостях у них бывали большие музыканты, писатели, художники. Леонид Осипович был дружен с И. И. Левитаном, В. А. Серовым, В. Д. Поленовым, Н. Н. Ге. В 1893 году на выставке Товарищества передвижников он познакомился со Львом Толстым.

Одним из самых важных событий отрочества поэта стала встреча с А. Н. Скрябиным, которая произошла в 1903 году. Пастернаки проводили лето на даче, в имении Оболенском, рядом с Малоярославцем. Недалеко от них жили Скрябины. И было слышно, как на соседней даче кто-то сочиняет музыку.

«Боже, что это была за музыка! Симфония беспрерывно рушилась и обваливалась, как город под артиллерийским огнем, и вся строилась и росла из обломков и разрушений», — вспоминал Пастернак.

Леонид Осипович свел знакомство со знаменитым компо-

зитором, и они стали дружить «домами». Хотя «музыкально лепетать» Борис начал еще до встречи со Скрябиным, именно знакомство с ним самым решительным образом повлияло на его стремление посвятить свою жизнь музыке. С 1903 года, с первых встреч со Скрябиным, Пастернак не мыслил своей жизни вне музыки. «Больше всего на свете я любил музыку, – писал Пастернак, – больше всех в ней – Скрябина».

В 1908 году Пастернак окончил гимназию – с золотой медалью. Как медалист он без вступительных экзаменов был зачислен на первый курс юридического факультета Московского университета. Выбор факультета был обусловлен по большей части тем, что занятия там были не слишком обременительными и оставалось достаточно свободного времени для занятий музыкой, которой он занимался частным образом. В 1911 году Пастернак предполагал сдавать экзамены за окончание консерваторского курса.

Однако этим планам не дано было осуществиться. В 1909 году Пастернак решил отказаться от музыкального поприща. Причин было много, одна из них – отсутствие у него абсолютного слуха, то есть способности узнавать высоту любой произвольно взятой ноты. Впрочем, занятия музыкальной импровизацией он не оставлял вплоть до 1930 года.

По совету Скрябина, Пастернак переводится с юридического факультета на философское отделение историко-филологического. Сфера его интересов – феноменология и фи-

лософия истории. Он штудировал Канта, Юма и Гуссерля. К этому же времени относятся и его первые поэтические опыты. Стихотворения этого периода Пастернак никогда не включал в свои книги, и они были опубликованы по черновикам лишь 1970-е годы.

Первым удачным стихотворением Пастернак считал «Февраль. Достать чернил и плакать...». Оно было написано в 1912 году. Впоследствии поэт открывал им свой первый стихотворный цикл «Начальная пора», а потом все его сборники открывались именно этим стихотворением.

Весной 1912 года Пастернак отправляется в Германию – это его первая самостоятельная заграничная поездка. Цель путешествия – Марбург, небольшой университетский город, где в течение трех месяцев ему предстояло совершенствоваться в области философии, а заодно и проверить, действительно ли лежит к ней его душа. Оказалось, что не лежит. За время пребывания в Германии он полностью охладел к философии и расстался с ней так же решительно, как три года назад расстался с музыкой. В Марбурге произошел и другой разрыв – оборвался его платонический роман с Идой Высоцкой, в которую Пастернак был влюблен с гимназических лет.

Она была дочерью чаезаводчика Высоцкого, семья которого жила в Чудовом переулке, недалеко от Мясницкой, где находилось Училище живописи, ваяния и зодчества. Пастернаки дружили с Высоцкими, и Борис познакомился с Идой, когда та была еще подростком.

Память об этой любви оказалась долгой. Спустя годы после разрыва Пастернак обращался к Иде Высоцкой в своей лирике. Он посвятил ей знаменитый «Марбург» (1916) и одно из лучших стихотворений этого периода «Отрывок из поэмы» (1916).

В 1913 году состоялся его дебют в печати. Пять стихотворений («Февраль...», «Сегодня мы исполним грусть его...», «Сумерки», «Я в мысль глухую о себе...» и «Как бронзовой золой жаровень...») вошли в альманах «Лирика», первой книги одноименного издательства.

Альманах вышел в апреле тиражом в 300 экземпляров, а месяц спустя Пастернак окончил университет, сдав в качестве кандидатского сочинения работу о теоретической философии Когена. Примечательно, что за дипломом Пастернак так и не явился, и он до сих пор хранится в архиве Московского университета.

В конце этого же года была напечатана первая книга его стихов «Близнец в тучах». Книга осталась почти незамеченной. Немногочисленные отзывы были в основном критические. Лишь в обзорной статье Брюсова о книге Пастернака упоминалось вполне благожелательно. Чувство благодарности Брюсову Пастернак пронес через всю жизнь.

Началась Первая мировая война, и Пастернак решил записаться добровольцем, но его отговорил ненадолго приехавший с фронта Сергей Листопад, сын философа Льва Шестова. С «трезвой положительностью» он рассказал ему о

войне, предупредив, что Пастернак «найдет там нечто прямо противоположное тому, что рассчитывает увидеть». Сергей Листопад погиб в первом же бою по возвращении на позиции. В Москве у него осталась невеста, Елена Виноград, которой спустя несколько лет Пастернак посвятит книгу замечательной любовной лирики «Сестра моя, жизнь». Впрочем, уже в книге «Поверх барьеров», вышедшей в 1916 году, Пастернак заявил о себе как о вполне состоявшемся поэте. Здесь впервые прозвучала поэтическая декларация, которой Пастернак следовал на протяжении всей жизни:

Поэзия! Греческой губкой в присосках
Будь ты, и меж зелени клейкой
Тебя б положил я на мокрую доску
Зеленой садовой скамейки.
Расти себе пышные брыжи и фижмы,
Вбирай облака и овраги,—
А ночью, поэзия, я тебя выжму
Во здравие жадной бумаги.

И хотя книга вышла со множеством опечаток (корректуру сборника он не смотрел), она его очень порадовала: «Мне нравится книжка. Что ни говори — она — (...) мало на что-нибудь, кроме себя самой, похожа».

1917 год обрушился на Россию двумя революциями — февральской и октябрьской. Промежуток между ними, по признанию Пастернака, странным образом стал самым

счастливым периодом в его жизни и был ознаменован страстной влюбленностью в Елену Виноград и небывалым творческим подъемом, который впоследствии не повторялся.

За полгода Пастернак пережил всю гамму чувств, сопутствующую любовным драмам: от надежды на взаимность и страстного желания близости до полного отчаяния из-за непреодолимой холодности и отчужденности возлюбленной.

Лирическим дневником этой истории стала книга стихов «Сестра моя, жизнь». В ней, как писал поэт, нашли выражение «совсем не современные стороны поэзии»: «...мне стало совершенно безразлично, как называется сила, давшая книгу, потому что она была безмерно больше меня и поэтических концепций,

которые меня окружали». Любовь разыгрывается в книге на фоне космических, революционных событий лета 1917 года, и черты любимой поэт «врисовывает» в эту бурю и летящие по небу грозовые тучи. «В это знаменитое лето 1917 года, в промежутке между двумя революционными сроками, казалось, вместе с людьми митинговали и ораторствовали дороги, деревья и звезды. Воздух из конца в конец был охвачен горячим тысячеверстным вдохновением и казался личностью с именем, казался ясновидящим и одушевленным, – вспоминал Пастернак то время. – Это ощущение повседневности, на каждом шагу наблюдаемой и в то же время становящейся историей, это чувство вечности, сошедшей на землю и повсюду попадающей на глаза, это сказочное настро-

ение попытался я передать в тогда написанной по личному поводу книге лирики “Сестра моя, жизнь”».

«Сестра моя, жизнь» принесла Пастернаку известность. Он стал любимцем читающей молодежи. Книга еще не была опубликована, а стихи из нее уже знали наизусть – их переписывали от руки и распространяли в списках. В 1920 году по силе дарования и популярности Пастернака ставили рядом с Маяковским.

В голодное послереволюционное время поэту пришлось продавать книги, иногда друзья присылали продовольственные посылки. Рассчитывать в это время на издание собственных книг не приходилось, и Пастернак мог что-то заработать лишь переводами для издательства «Всемирная литература»: драмы Клейста, Бен Джонсона, Ганс Сакс, Гете.

В 1921 году родители и две сестры Пастернака уехали в Германию – в Россию они больше не вернутся. В этом же году Пастернак познакомился с художницей Евгенией Лурье; он подарил ей краски, оставшиеся от отца, а через несколько месяцев она стала его женой, еще через год родила ему сына – Евгения.

Брак с Евгенией Владимировной продлился десять лет. Она была натурой тонко чувствующей и вместе с тем человеком капризным и совершенно беспомощным в быту. Ее любовь к мужу, восхищение его стихами сочетались с резкой критичностью по отношению к тому, что он делал и говорил. Она могла его прилюдно одергивать и спорить с ним

без всякой «почтительности». Вспоминая о браке с Евгенией Владимировной, Пастернак писал:

«У меня за годы жизни с ней развилась неестественная, безрадостная заботливость, часто расходящаяся со всеми моими убеждениями и внутренне меня возмущающая, потому что я никогда не видел человека, воспитанного в таком глупом, по-детски бездеятельном ослепляющем эгоизме, как она».

Причиной расхождения Пастернака с Евгенией Владимировной стал все же не ее «ослепляющий эгоизм», а то, наверное, что оба они были художниками и оба нуждались в заботе и освобождении от житейских тягот.

Растущий разлад в семье сопровождался ощущением полного литературного и человеческого одиночества. Пастернак чувствовал себя чужим в Советской республике. И хотя к концу двадцатых он уже признанный авторитет, автор одобренных критикой и читателем поэм «Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт», ему все труднее шагать в ногу со временем.

Вершиной творчества Пастернака 1920-х годов стал роман в стихах «Спекторский», основное настроение которого совпало с мироощущением самого поэта:

Светает. Осень, серость, старость, муть.
Горшки и бритвы, щетки, папилютки.
И жизнь прошла, успела промелькнуть,
Как ночь под стук обшарпанной пролетки.

Свинцовый свод. Рассвет. Дворы в воде.
Железных крыш авторитетный тезис.
Но где ж тот дом, та дверь, то детство, где
Однажды мир прорезывался, грезясь?
Где сердце друга? – Хитрых глаз прищур.
Знавали ль вы такого-то? – Наслышкой.
Да, видно, жизнь проста... но чересчур.
И даже убедительна... но слишком.

С Зинаидой Николаевной Нейгауз Пастернак познакомился в 1928 году. Красивая, смуглая, с большими карими глазами, она была полной противоположностью Евгении Владимировны. В доме у Зинаиды Николаевны всегда царил идеальный порядок, все белье накрахмалено. Была она натурой цельной, крепкой, выносливой. Пастернака потянуло к ней как к магниту. Не останавливало его ни то, что Зинаида Николаевна была замужем за Генрихом Нейгаузом, замечательным пианистом и хорошим другом Пастернака, ни то, что у нее с Нейгаузом было двое детей, ни то, что у самого Пастернака жена и сын, да и жить им с Зинаидой Николаевной было негде.

Пастернак пришел к Генриху Нейгаузу и признался в своей любви к его жене, принес два стихотворения, впоследствии включенные им в книгу стихов «Второе рождение». Одно было посвящено Нейгаузу («Дрожат гаражи автобазы...»), другое – обращено к Зинаиде Николаевне («На даче спят...»). Оба, и Пастернак и Нейгауз, плакали. После ухода

Пастернака Нейгауз предложил Зинаиде Николаевне сделать выбор, но она только рассмеялась в ответ. Ни о каком уходе из семьи она и не помышляла.

Объяснение с Нейгаузом состоялось осенью 1930 года. А в июле 1931-го Зинаида Николаевна, пройдя путь метаний от Нейгауза к Пастернаку и в конце концов покорившись страсти и упорству Пастернака, согласилась поехать с ним в Грузию, куда Пастернака настойчиво звал в гости его тифлисский друг поэт Паоло Яшвили. В первый же вечер Яшвили созвал друзей-поэтов познакомиться с Пастернаком, которым он искренне восхищался. Среди гостей Паоло был и поэт Тициан Табидзе с женой Ниной Александровной, с которой впоследствии Пастернака связывала самая преданная дружба. Грузия стала для Пастернака в полном смысле «второй родиной». Он не только отдохнул здесь душой, окунувшись в теплую атмосферу гостеприимства, любви и уважения, и нашел новых друзей, но и открыл для себя удивительную красоту кавказской природы и притягательную силу современной грузинской поэзии.

В Москву Пастернак с Зинаидой Николаевной вернулись лишь в середине октября. Это было их первое совместное путешествие и начало новой семейной жизни.

В письме к Ольге Фрейденберг, двоюродной сестре и близкому другу, Пастернак писал:

«Я совершенно счастлив с Зиной. (...) Она очень простой, горячо привязывающийся и страшно родной мне человек и

чудесная, незаслуженно естественная, природно сужденная мне – жена».

Между тем репрессивный каток, запущенный в Советской республике в 1920-е годы для подавления инакомыслия, набирал обороты. 23 апреля 1932 года постановлением ЦК ВКП(б) была создана Федерация объединений советских писателей, через два года преобразованная в Союз писателей СССР. Впрочем, еще пять лет назад, в 1927 году, прекратилась деятельность всех литературных организаций, кроме РАППа (Российская ассоциация пролетарских писателей), продвигающего линию коммунистической партии. А в начале 1930-х была разработана поэтика и идеология социалистического реализма, литературного направления, в рамках которого отныне должны были работать все советские писатели без исключения. «Попутчики» подвергались гонениям. Так, в декабре 1932 года «Издательство писателей в Ленинграде» по требованию агитпропа расторгло договор с Пастернаком на пятитомное собрание его сочинений. Удалось издать только первый том.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.